

Античная древность и средние века. 2017. Вып. 45. С. 46–56

УДК 94(495).01

DOI 10.15826/adsv.2017.45.003

А. Д. НАЗАРОВ**ВОИНСКИЕ ПОЕДИНКИ И ЭТИКА ВОЕННОГО ЛИДЕРСТВА
В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ**

Аннотация: Статья посвящена традиции воинских поединков в ранневизантийской армии. Распространение подобного способа выяснения превосходства в воинской среде было связано с изменением принципов комплектования вооруженных сил Римской империи. Преобладание провинциалов и иноземцев среди личного состава армии способствовало интенсификации межкультурного взаимодействия в армейском сообществе. Как следствие, в ходе диалога римской и варварских военных культур формировался позднеантичный воинский этос. Это отразилось, в том числе, и на этике военного лидерства. Командиры должны были выделяться среди других воинов отвагой, физической силой, боевым мастерством и подтверждать свои выдающиеся качества в бою.

Ключевые слова: Византия, византийская армия, варваризация, кросскультурные коммуникации, военное лидерство, воинские поединки

«Всякая схватка, если она ограничена определенными правилами, имеет – уже в силу самого этого ограничения – формальные признаки игры», – писал Й. Хёйзинга. Такие единоборства могли выступать в качестве «оракула, предвещающего исход будущего сражения», или «замещения битвы» с целью «доказательства превосходства одной из сторон»¹. По утверждению нидерландского исследователя, соревновательный характер ратного дела был свойственен в первую очередь для доиндустриальных обществ². Примером тому может служить следующий эпизод: в бою на Аниенском мосту Тит Манлий сразился с галльским воином и даже захватил трофей – окровавленное ожерелье (Liv. VII. 10. 7–11).

¹ Хёйзинга Й. *Homo ludens*. Человек играющий / пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. СПб., 2011. С. 133.

² Отметим, что Йохан Хёйзинга в своем знаменитом труде активно приводил примеры из раннесредневековой истории. Так, он упомянул, что исход конфликта между вандалами и свевами за Испанию решился именно в ходе поединка. См.: Там же. С. 134–137. Ср.: Greg. Tur. Hist. II. 2.

Не подлежит сомнению, что этот обычай имел широкое распространение не только в истории Древнего Рима, но и других народов древности и средневековья. В фундаментальном труде, посвященном «примитивной войне», Х. Тёрни-Хай отмечал, что в раннеклассовых общностях теория военного дела не получила достаточного развития, так как отсутствовала прослойка профессиональных воинов. Как следствие, предводителем избирался тот член коллектива, который выделялся среди других мужчин физической силой и боевым мастерством³.

В связи с этим, исход поединка между лидерами, возглавлявшими противоборствующие войска, зачастую выступал в качестве выражения символического превосходства стороны, которую представлял победитель. Примером такого единоборства является легендарная схватка между королем лангобардов Альбоином и правителем гепидов Кунимундом (Paul. Diac. Hist. Lang. I. 27). Павел Диакон во время создания «Истории лангобардов» опирался на труд Секунда, епископа Тридентского, который в свою очередь обращался к устным преданиям о данном событии. Достоверность этих сведений, однако, вызывает сомнения. Тем не менее в данном случае важна корреляция между физическим могуществом вождя и боеспособностью воинов, находившихся под его командованием. Сам же поединок для Павла Диакона служит завязкой повествования о трагедии лангобардского королевского семейства.

Подвергая свою жизнь риску в поединках, предводители рассчитывали на укрепление авторитета среди подчиненных бойцов. В древности участие в боевых действиях зачастую принимали все мужчины, обладавшие полноправным статусом. Поэтому среди воинов общинного или племенного ополчения на почет и уважение мог рассчитывать только тот, чьи боевые заслуги считались в воинском коллективе общепризнанными. Именно победа в единоборстве с неприятелем являлась наиболее эффективным способом утвердиться в данном качестве.

Свидетельства о поединках с участием римских воинов сохранились во многих нарративных источниках позднеантичного периода. Тем не менее в историографии данный аспект специально не рассматривался. Более того, сама позднеантичная военная культура до настоящего времени является малоизученной научной проблемой. Только отдельные ее аспекты рассматривались в трудах Р. Макмаллена, Д. Ли, П. Саутерн

³ Turney-High H. H. Primitive war: its practices and concepts. Columbia, 1949. P. 72–73.

и К. Диксон⁴. По нашему мнению, понимание ценностной системы позднеримских и ранневизантийских воинов невозможно без диахронного анализа воинской ментальности, поскольку ее фундамент был заложен еще в ходе Латинских войн и других вооруженных конфликтов V–IV вв. до н. э. Поэтому при изучении данной проблематики также представляют интерес исследования, посвященные периодам Республики и Ранней империи. Среди них следует упомянуть работы Дж. Лендона и А. В. Махлаюка⁵.

Традиция воинских поединков в римской армии восходила к царскому и республиканскому периодам. Например, один из конфликтов между Римом и Альбой Лонгой был разрешен именно в ходе такого противоборства. В нем сразились трое юношей из рода Горациев с равным числом сверстников из клана Куриациев (Liv. I. 25. 1–11). Во время битвы у Регилльского озера в 499 г. до н. э. Тарквиний Гордый, стремившийся при поддержке латинов вернуть царскую власть в Риме, попытался вступить в схватку с диктатором Авлом Постумием, но потерпел в этом неудачу (Liv. II. 19. 6). Упомянем также поединок между трибуном Марком Валерием и галльским воином, в котором, по преданию, на помощь римлянину прилетел ворон (Liv. VII. 26. 1–5). По утверждению Полибия, «многие римляне добровольно выходили на единоборство, чтобы добиться победы» (VI. 54. 4). О. В. Сидорович в связи с этим полагает, что популярность единоборств среди римских граждан была прямым следствием соревновательного характера политической системы Республики⁶.

В дальнейшем римляне изменили отношение к поединкам на поле боя. Это было обусловлено развитием военной организации римского государства, повышением уровня тактической подготовки рядовых воинов и в особенности младших командиров. Так как основой ополчения *civitas* были центурии, состоявшие из тяжеловооруженных пехотинцев, в сражениях использовались закрытые формы построения, позволявшие сохранять целостность боевого порядка. По мнению А. В. Махлаюка,

⁴ MacMullen R. Soldier and civilian in the later Roman Empire. Cambridge, 1967; Lee A. D. War in late Antiquity: a social history. Malden, 2007. P. 51–66; Southern P., Dixon K. R. The late Roman Army. London; New York, 2014. P. 168–178.

⁵ Lendon J. E. Soldiers and ghosts: a history of battle in classical Antiquity. New Haven, 2005; Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006.

⁶ Сидорович О. В. Единоборство в системе ценностей римского гражданина эпохи Республики // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004: новые научные направления. М., 2005. С. 19–20.

«первостепенное значение имела стойкость солдат, потому что исход сражения зависел не столько от индивидуальных действий бойцов, сколько от сплоченности и согласованного эффективного функционирования всех подразделений»⁷. По этой причине воин, который в неподходящий момент проявлял инициативу, мог быть подвергнут суровому наказанию.

Примером тому служит инцидент, именуемый «Манлиевым праведником». Речь идет о случае, во время которого ранее уже упоминавшийся Тит Манлий приказал казнить своего сына за нарушение приказа не вступать в бой с неприятелем. Провинившегося не спасло даже то, что он одержал победу в этой схватке. При этом военачальник апеллировал к тому, что его отпрыск нарушил не только консульский, но и отчий запрет (Liv. VIII. 7; Sall. Cat. 52. 30–31; Val. Max. II. 7. 6). Анализируя этот эпизод, А. В. Махлаюк констатирует: «Воля полководца в римской армии была столь непрекращаемой, что самовольное действие, даже успешное, считалось таким же нарушением дисциплины, как и невыполнение приказа»⁸. Что немаловажно, эта норма была законодательно зафиксирована в период империи (Dig. 49. 16. 3. 15–16). Тем не менее манипулярная тактика войска республиканского Рима предполагала использование легковооруженных бойцов – велитов (*velites*), которыми, как правило, были юноши. Дж. Лендон считает, что таким образом молодежь получала возможность проявить свою *virtus* перед взрослыми согражданами⁹.

От периода поздней Республики в источниках сохранились единичные упоминания о поединках римских воинов с вражескими бойцами (Caes. BG. VIII. 48; Amp. 22. 4). Примечательно, что таким способом стремились проявить себя лица незнатного происхождения (App. BC. I. 50; Plut. Mar. 3). Дж. Лендон связал это с пролетаризацией римских вооруженных сил и отказом большей части аристократии от участия в военных походах¹⁰. Впрочем, известен один случай, являющийся исключением из этого правила. Так, в 29/28 г. до н. э. проконсул Македонии Марк Лициний Красс лично сразил в бою вождя бастарнов Делдона (Dio Cass. LI. 24. 4).

В римской литературе, посвященной периоду Принципата сюжеты, повествующие о воинских единоборствах, отсутствуют. Более того, позднеантичный историк Аммиан Марцеллин, принимавший участие в

⁷ Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. С. 302.

⁸ Там же. С. 281.

⁹ Lendon J. E. Soldiers and ghosts. P. 187–190.

¹⁰ Ibid. P. 220, 230–231.

римско-персидских войнах 359 и 363 гг., также о них не упоминает. Этот автор в рассказе о битве при Аргенторате (совр. Страсбург) в 357 г. явно противопоставлял римлян и аламаннов. Варвары у Аммиана представлены людьми огромного роста и физической силы, которые с «зубовным скрежетом» и «пылающими от ярости глазами» обрушивались на вражеские боевые порядки (XVI. 12. 36). Однако, несмотря на численное превосходство и храбрость, аламанны были разбиты, не сумев прорвать сомкнутый строй римлян (Amm. Marc. XVI. 12. 50).

По мнению Ф. Кардини, «римское военное искусство эволюционирует, придерживаясь рационального и геометрического направления, благодаря чему конкретно и юридически мыслящие римляне были вправе воспользоваться дефиницией *ius armorum*»¹¹. Гай Юлий Цезарь писал, что свевы, напротив, «с самого детства приучены избегать обязанностей и дисциплины, и они не делают вообще ничего, что противоречит их желаниям» (BG. IV. 1). Это вовсе не означает, что ополчения германских племенных союзов были неуправляемыми толпами воинов, каждый из которых действовал исключительно по своему усмотрению. Цезарь обратил внимание на то, что варвары, в отличие от римлян, в гораздо большей степени воспринимали военное дело как сферу индивидуального самовыражения. Для многих из них это был способ прославиться и обрести авторитет в глазах сородичей.

В историографии высказывалось предположение, согласно которому подобное отношение германцев к ратному делу было связано с тем, что самосознание варварских политических объединений нередко формировалась на основе совместного участия в военных походах¹². Помимо этого, война давала возможность юношам проявить себя, добиться признания со стороны других членов мужского коллектива, а также вождей. Г. Холсолл отмечает, что «большая концентрация вооруженных людей, чья социальная идентичность зачастую была основана на идее насилия и боевой доблести, могла легко стать причиной появления избытка агрессивной энергии»¹³. Такая атмосфера значительно усиливала дух соперничества, побуждая бойцов демонстрировать перед соратниками свое мастерство и бесстрашие.

Одновременно с этим, в военной сфере Римской империи происходили существенные трансформации, связанные с переходом к оборонительной внешнеполитической стратегии. Изменение характера боевых

¹¹ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 110.

¹² Halsall G. Warfare and Society in the Barbarian West, 450–900. London, 2003. P. 82, 135.

¹³ Ibid. P. 152.

действий, выражавшееся в преобладании мелких приграничных стычек, лишало тяжеловооруженную пехоту легионов многих преимуществ, которыми она обладала в генеральных сражениях. В скоротечных столкновениях на лимесе требовались гибкость построений и мобильность воинских подразделений. По этой причине римляне чаще стали прибегать к использованию вспомогательных частей легкой пехоты и конницы. Отметим также, что эволюция римской тактики сопровождалась изменением этнического состава воинских контингентов, куда привлекались для несения службы провинциалы и иноземцы. На этом основании Ф. Кардини сделал вывод о том, что «варваризация римской армии, явившаяся следствием провинциализации и связанная с ней, так сказать, генетически, отвечала потребности приведения армии в соответствие с тактикой ведения войны, характерной для варваров»¹⁴.

По нашему мнению, итальянский медиевист преувеличил масштабы варваризации римских вооруженных сил: в позднеантичную эпоху значительная часть служивших в них воинов оставалась уроженцами империи. Тем не менее изменение этнического состава императорской армии способствовало интенсификации кросскультурных коммуникаций в воинской среде. Варвары, нанимавшиеся на военную службу, ценились командованием за свои выдающиеся боевые качества, и поэтому многие из них служили в отборных частях императорской армии. Это были воины, которые вызывали всеобщее восхищение своей удалью и отвагой. Неудивительно, что некоторые римляне стремились подражать германцам и другим иноземцам. В первую очередь речь идет о навыках обращения с оружием и тактических приемах. Однако в ряде случаев могли заимствоваться и воинские идеалы, распространенные среди варварских народов.

Влияние германцев, кочевников и других чужеземцев на ранневизантийскую воинскую традицию, несомненно, имело место, однако переоценивать его не следует. Тем не менее распространение в армейской среде воинских поединков, как способа выяснения превосходства между представителями противоборствующих армий, необходимо считать одним из проявлений такого влияния. Характерно, что в источниках сохранились сведения о схватках, происходивших с участием высокопоставленных армейских командиров. Так, гот Ареобинд, занимавший пост комита федератов во время войны с персами 420–422 гг., одолел в единоборстве воина из отряда «бессмертных» (Socr. VII. 18; Malal. XIV. 23). Кроме того, неоднократно вступал в схватки с вражескими бойцами западноримский военачальник Бонифаций, пока не был смер-

¹⁴ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. С. 153.

тельно ранен Аэцием в сражении у Ариминия (совр. Римини) в 432 г. (Olymp. fr. 42; Marc. Com. 432. 3; Chron. Gall. 452. 111). При этом Бонифаций в 413 г. в бою у Массалии (совр. Марсель) нанес рану королю вестготов Атаульфу (Olymp. fr. 21). Следует добавить, что традиция воинских поединков существовала и у восточных соседей Византийской империи. Например, битва при Кадисии в 636 г. началась с трех единоборств, в которых сразились представители арабской и персидской знати (al-Tabarī. 2296–2297).

Вместе с тем важно учитывать, что создатели исторических произведений, стремясь украсить свои труды яркими образами, порой пренебрегали достоверностью описываемых событий. Так, по словам Зосима, во время битвы при Мурсе (совр. Осиек) в 351 г. командир армянских конных лучников Менелай ранил стрелой Ромула, полководца Магненция. Тем не менее последний, продолжив сражаться, убил Менелая (II. 52. 2). Вероятно, данный сюжет не имеет ничего общего с действительностью, а имена воинов являются аллюзиями на творения Гомера и Тита Ливия. Это может объясняться жанровой спецификой первоисточника, которым пользовался ранневизантийский писатель при создании «Новой истории» и который не сохранился к нашему времени¹⁵.

В наибольшей степени традиция воинских поединков освещена в «Истории войн» Прокопия Кесарийского. Его литературное наследие уникально тем, что сам автор был непосредственным свидетелем описанных событий, имел доступ к официальным документам, а также получал сведения от участников боевых действий. Следует согласиться с мнением У. Э. Кэги, который охарактеризовал Прокопия как «бесспорно, лучшего византийского военного историка любого периода византийской истории, раннего, среднего или позднего»¹⁶. Помимо прочего, Прокопий прославил в своих сочинениях деяния многих отличившихся воинов, в том числе, и тех, кто одерживал победу над врагами в поединках.

Так, во время битвы при Даре (греч. Δάρας) в 530 г. гунн Суника, командовавший отрядом соплеменников на византийской службе, сразил перса Варесмана, стоявшего во главе «бессмертных» (Proc. BP. I. 14. 47; 50). В 538 г. от руки Артабана из рода Аршакидов пал Ситта, один из лучших военачальников Юстиниана I. Однако Прокопий оговорился, что по другим сведениям его убил некий Соломон. Тем не менее такая версия представлялась писателю маловероятной из-за незнатного происхождения Соломона (BP. II. 3. 25; 27). Стоца, возглавивший сол-

¹⁵ См.: Болгов Н. Н. Зосим – последний историк античности // Зосим. Новая история / / пер. и коммент. Н. Н. Болгова. Белгород, 2010. С. 20.

¹⁶ Kaegi W. E. Procopius the Military Historian // BF. 1990. Bd. 15. P. 53.

датский мятеж против Юстиниана I, также был смертельно ранен стрелой, пущенной Иоанном, братом Артабана, перешедшего к тому времени на службу к византийскому императору (Proc. BV. II. 24. 11; Vict. Tonn. 545).

Военачальники сражались друг с другом не только в ходе генерального сражения, но и перед его началом. В ряде случаев поединок мог стать «замещением битвы», предотвращавшим массовое кровопролитие. Например, один из командиров в корпусе федератов Алтия бросил вызов вождю мавров Иауде, когда последний предложил византийцам отдать часть награбленного в обмен на пропуск к источнику воды. Дальнейшее развитие событий Прокопий описал следующим образом: «Иауда метнул копье первым, но Алфия неожиданно сумел его схватить правой рукой, удивив Иауду и других неприятелей. Сразу же левой рукой натянул он лук, так как в равной степени владел обеими, и, попав в коня Иауды, сразил его наповал. Поэтому другого коня подвели предводителю мавры, вскочив на которого, Иауда сразу же бросился бежать, и безо всякого порядка войско мавров устремилось за ним» (BV. II. 13. 14–16).

Впрочем, рядовые воины также могли принимать участие в поединках, предварявших генеральное сражение. Например, перед битвой при Тагине (лат. *Taginae, Busta Gallorum*) в 552 г. Кокка, воин короля Тотилы, вызывал на единоборство любого, кто желал помериться с ним силой и мастерством. С ним решил сразиться дорифор (δορυφόρος) Нарсеса Анзала, армянин по происхождению. Далее «Кокка ринулся первым, чтобы копьем поразить врага, целясь ему в живот. Но Анзала, внезапно развернувшись на коне в сторону, напрасным сделал его натиск. Таким образом оказавшись сбоку от своего врага, он вонзил ему в левый бок копье. И упал замертво с коня Кокка, бездыханный распростершись на земле» (Proc. BG. IV. 31. 14–16). Накануне сражения при Даре Андрей, учитель гимнастики в одной из константинопольских палестр и приближенный военачальника Бузы, дважды выходил на поединок с персидскими воинами и оба раза одерживал победу (Proc. BP. I. 13. 29–38). Схожим образом перед столкновением близ Фавенции (совр. Фаэнца) лицом к лицу сошлись армянин Артабаз и гот Валарис. Оба они получили в этом бою смертельные раны (Proc. BG. III. 21–29).

Можно предположить, что рассказы о героях, одержавших победу в единоборстве с воином из вражеского войска, становились частью устной традиции армейского сообщества. Подобные сюжеты также могли эксплуатироваться официальной пропагандой. Например, Феофан Исповедник и патриарх Никифор писали о том, как император Ираклий в ходе сражения при Ниневии в 627 г. сошелся в схватке с персидским военачальником Рахзадом (Ραζάτης в византийских источниках) и убил

его (Theoph. AM 6118; Nic. Brev. 14). Так василевс представлялся не только мудрым полководцем, но и могучим воителем. Об этом поединке упоминает даже Фредегар, и это свидетельствует о том, что слава о подвиге Ираклия достигла королевства Меровингов (IV. 64). По предположению Ф. Тромбли, личное участие императора в сражении было обусловлено его стремлением «произвести впечатление на негреческие союзные войска в его армии»¹⁷.

Античная традиция проведения поединков между воинами, олицетворявшими враждующие стороны, прослеживалась еще в поэмах Гомера. С течением времени исторические хроники наполнялись все новыми описаниями единоборств. Эти стандартные сюжеты стали общими местами, топосами византийской литературы. Большинство авторов исторических сочинений не были военными, не принимали участия в походах и не присутствовали при единоборствах. Тем не менее представления о том, что военачальник должен был обладать отвагой, физической силой, боевым мастерством и, помимо прочего, подтверждать свои выдающиеся качества в бою, прочно укоренились в византийской литературной традиции. Личное участие полководца в сражении и тем более его победа в схватке с вражеским командиром являлись наиболее эффективными способами поднять боевой дух воинов. Как следствие, феномен воинских поединков получил широкое распространение не только в ранневизантийской армии, но и в вооруженных силах империи более позднего времени.

Статья поступила в редколлегию 22.09.2017 г.

Назаров Андрей Дмитриевич

Аспирант кафедры
истории древнего мира и средних веков
Уральский федеральный университет
620083, Екатеринбург, Россия
Электронная почта:
andrey.nazarov451@gmail.com

Andrey Nazarov

Postgraduate student at the Department
of Ancient and Medieval History,
Ural Federal University
620083, Ekaterinburg, Russia
e-mail: andrey.nazarov451@gmail.com

¹⁷ Trombley F. R. Military cadres and battle during the reign of Heraclius // The reign of Heraclius (610-641): crisis and confrontation / ed. by G. J. Reinink, B. H. Stolte. Leuven, 2002. P. 247.

ANDREY NAZAROV

SINGLE COMBATS AND THE ETHICS OF MILITARY LEADERSHIP IN THE EARLY BYZANTINE ARMY

Abstract: The article is devoted to the tradition of single combats in the Early Byzantine army. The spread of such way of ascertaining the superiority was connected with the change in the principles of the Roman imperial army's recruitment. The predominance of provincials and foreigners among the rank and file contributed to intensification of cross-cultural interaction within the military community. As a consequence, the Postclassical military ethos was forming in the dialogue between the Roman and barbarian cultures. This was reflected on the ethics of military leadership. The leaders had to stand out among other soldiers with courage, physical strength, fighting skill and confirm their outstanding qualities at war.

Keywords: Byzantium, Byzantine army, military leadership, single combats, barbarization, cross-cultural communication

LITERATURE CITED

- BETHMANN, L., WAITZ, G. (Eds.). "Pauli Historia Langobardorum". In *Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX*. Ed. O. Holder-Egger. Hannover, 1878. P. 12–219.
- BRIGHT, W. (Ed.). *Socrates' Ecclesiastical history*. Oxford, 1893.
- BOLGOV, N. N. (Ed.). *Zosim. Novaja istorija*. Belgorod, 2010.
- CARY, E. (Ed.). *Dio Cassius. Roman history*. Cambridge, 1917. Vol. 6.
- DE BOOR, C. (Ed.). *Theophanis Chronographia*. Leipzig, 1883. Vol. 1.
- DEWING, H. B. (Ed.). *Procopius. History of the wars*. London, 1914–1928. Vol. 1–5.
- EDWARDS, H. J. (Ed.). *Caesar. The Gallic war*. London, 1919.
- FOSTER, B. O. (Ed.). *Livy*. London, 1919–1926. Vol. 1, 3–4.
- FRIEDMANN, Y. (Ed.). *The history of al-Ṭabarī*. New York, 1992. Vol. 12.
- HALSALL, G. *Warfare and society in the barbarian West, 450–900*. London, 2003.
- HUIZINGA, J. *Homo ludens. Chelovek igraushhij*. Ed. D. V. Sil'vestrov. Sankt-Peterburg, 2011.
- KAEGI, W. E. "Procopius the Military Historian". In *Byzantinische Forschungen* 15 (1990). P. 53–85.
- KARDINI, F. *Istoki srednevekovogo rycarstva*. Moskva, 1987.

- KEMPF, C. (Ed.). *Valerii Maximi factorum et dictorum memorabilium libri nonem cum incerti auctores fragmento de praeominibus*. Berlin, 1854.
- KRUSCH, B. (Ed.). “Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV. cum Continuationibus”. In: *Scriptores rerum Merovingicarum*. Hannover, 1888. Vol. 2. P. 1–193.
- KRUSCH, B., LEVISON, W. (Eds.). *Gregorii Turonensis Opera*. Hannover, 1951. T. 1.
- MANGO, C. (Ed.). *Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Short history*. Washington, 1990.
- LEE, A. D. *War in late Antiquity: a social history*. Malden, 2007.
- LONDON, J. E. *Soldiers and ghosts: a history of battle in classical Antiquity*. New Haven, 2005.
- MACMULLEN, R. *Soldier and civilian in the later Roman Empire*. Cambridge, 1967.
- MAHLAJUK, A. V. *Soldaty Rimskoj imperii. Tradicii voennoj sluzhby i voinskaja mental'nost'*. Sankt-Peterburg, 2006.
- PASCHOUD, F. (Ed.). *Zosime. Histoire nouvelle*. Paris, 2000. T. 1.
- PATON, W. R. (Ed.). *Polybius. The histories*. London, 1923. Vol. 3.
- PERRIN, B. (Ed.). *Plutarch's lives*. London, 1959. Vol. 9.
- ROLFE, J. C. (Ed.). *Ammianus Marcellinus*. London, 1935. Vol. 1.
- ROLFE, J. C. (Ed.). *Sallust*. London, 1921.
- THURN, I. (Ed.). *Ioannis Malalae Chronographia*. Berlin, 2000.
- SIDOROVICH, O. V. “Edinoborstvo v sisteme cennostej rimskogo grazhdanina jepohi Respubliki. In *Voenno-istoricheskaja antropologija* 2005. S. 18–30.
- SOUTHERN, P., DIXON, K. R. *The late Roman Army*. London, 2014.
- TROMBLEY, F. R. “Military cadres and battle during the reign of Heraclius”. In *The reign of Heraclius (610-641): crisis and confrontation*. Ed. G. J. Reinink, B. H. Stolte. Leuven, 2002.
- TURNER-HIGH, H. H. *Primitive war: its practices and concepts*. Columbia, 1949.
- WHITE, H. (Ed.). *Appian's Roman history*. London, 1964. Vol. 3.
- WOELFFLIN, E. (Ed.). *Lucii Ampelii Liber memorialis*. Leipzig, 1873.

Received on 22 September, 2017